

Евгений ЭРАСТОВ

«ЗАЧЕМ ЖЕ ТЫ, ВОДА, ОТКРЫЛА МНЕ СЕКРЕТ...»

* * *

Я книгу взял на озеро. Она
В моем пакете так и провалялась.
Виной тому – сирень и бузина,
Жасмин цветущий, и такая малость,

Как длинная болотная трава,
Названия которой я не знаю.
К тому причастна неба синева
И облака, ребристые по краю.

И предо мной предстала жизнь моя,
Что прожита уж явно на две трети.
Пусть не раскрыта тайна бытия,
Мне кажется, не зря я жил на свете.

Гражданский кодекс рыжих муравьев
Я соблюдал, я был одним из прочих
Упорных собирателей основ,
Родного языка чернорабочих.

Привитый от наносной чепухи,
Журнальной зарифмованной заразы,
Я был уверен, что мои стихи
Поймут и лягушонок пучеглазый,

И ящерка, и юркий плавунец,
Притихший в ожидании рассвета.
...Я был не худший на дуде игрец!
Пускай их примет на худой конец
Хоть мусорная яма Интернета.

Я деньги на книжку просил у него.
А он на меня, как баран на ворота
Смотрел, был не в силах понять ничего,
И чувствовал я неприятное что-то.

Я помню его опечаленный вздох
И выдох, и щечек бордовые пятна.
И был для него я не лузер, не лох,
А некий игрок, чья игра непонятна.

И был для него я заштатный хитрец,
Солидных людей разводящий на бабки,
Такой же, как он, прохиндей-удалец,
Для виду одетый в плебейские тряпки.

«Конечно, культура нам тоже нужна, –
Промямлил он вяло, - но все ж, извините
(Зачем ты пришел к нам, какого рожна?!),
Так трудно с деньгами... А впрочем, звоните...»

Звоните, звоните... Стальные стрижи
Безмозглое небо стригут спозаранку,
И в сердце втыкают стальные ножи.
А много ли надо сегодня подранку?

Среди узаконенной русской трухи
Живешь абы как, не скрывая опаски,
Не в силах отвлечься от той чепухи,
Что в книжках должны появляться стихи
И пахнуть всегда типографскою краской!

Я помню, коллега мой старший, в Кремле,
Над Волгой замерзшей (а впрочем, звоните!)
Немного смущаясь, показывал мне
На строчки свои, что блестят на граните.

Под снегом белел отрешенно обком.
Снежинки кружились и падали наземь.
И все мне казалось – меж тем стариком
И этими строчками не было связи.

Он умер недавно. Я тоже умру.
О, как далеко нам до славы народной!
Но как притягательна жизнь на миру!
Как жалко дрожали на зимнем ветру
Тесемки от шапки его старомодной!

Ау, гонорары! Не стоит тужить,
Что канули в вечность багряные флаги.
Ведь жизнь не закончилась! Можно прожить
Без слов на граните, без книжной бодяги.

За печкой трещит колченогий сверчок.
И что ему мир нуворишей и выжиг?
Он песнею счастлив своей, дурачок,
И нет ему дела до спонсорских книжек.

АРТЕМИСИЯ

И так любила мужа своего,
Что прах его водою растворила
И выпила. Теперь его могила
Внутри нее, и все бы ничего,

Да только одиночества плоды
Что твой дичок – кислы и тошнотворны.
Прибой гудит подобием валторны,
И тяжелее не было беды.

Всю плоть его в себя она взяла,
Как теплое, трепещущее семя,
И кровью стала мертвая зола,
И за окном остановилось время.

А петухи кричали на заре,
И, как всегда, лидировал горластый,
Высокий, остроносый, голенастый,
Всех кур топтавший на своем дворе,

С мужичьей шеей, наглый и рябой,
С высокомерным взглядом господина.
...Жизнь, смерть, любовь – всё это так едино
И целокупно, как морской прибой.

* * *

Что, Эвтерпа, ты шепчешь мне в ухо?
Погоди, я достану блокнот.
Вороха тополиного пуха
Буйный ветер по пляжу несет.

Мы с тобою вдвоем не случайно
В этот час на речном берегу.
Есть меж нами особая тайна,
Я ее ото всех берегу.

Трав июньских размах и невинность.
Ежевичный причудливый склон.
Не моя в этом, право, провинность,
Что отметил меня Аполлон.

Не моя в этом, право, заслуга,
Что я пил из кастальской струи,
Что на ухо шептала подруга
Сладкозвучные строки свои.

Очаруй меня сорной половиной,
И заgrabной коврижкой медовой,
И пахучей болотной травой.
На сиринге своей тростниковой
Просвисти над моей головой.

* * *

Даже август – и тот изменил.
За минутой проходит минута.
Ни тепла, ни изломанных крыл
Стрекозиных, лишь баба Аня

Вспоминает, что в сорок восьмом
Было нечто похожее вроде –
Мрачный август, разрушенный дом
И одна лебеда в огороде.

И на сонной реке рыбаки
В лыжных шапках, бомжовского вида,
На цветные глядят поплавки.
Первый скажет: «Такая планида

У России». Второй промолчит.
Ну а третий, глотнув для сугрева,
Еле слышно под нос пробурчит:
«Не боимся мы Божьего гнева».

А четвертый, прокуренный лох,
Проскрипит, не справляясь с зевотой:
«Русский в скачке довольно неплох –
Запрягает всегда с неохотой.

Нам бы только поправить плетень,
Что свалил стоеросовый пень,
Пьяный ельциный черт поросячий».
И холодный кончается день
В медитации этой рыбацкой.

* * *

Незлобивый отец и заблудшее чадо.
Пастырь любит овец, бессловесное стадо.

Темный Рембрант в углу. Ты забыл его, друже?
Он на грязном полу, этот сын неуклюжий

На коленях стоит, он вернулся под своды
Церкви, каменных плит, вездесущей природы.

Старший брат Узиил даром время не тратил –
Он не пил, не курил и девиц не брюхатил.

И работал как вол, и ходил в синагогу.
И отца произвол не припомнил он Богу.

Мелкой каплей росы насыщался он, Боже.
Почему блудный сын для Тебя был дороже?

Но бывает подчас и другая картина –
То отец-дурендас, позабывший про сына.

Удалец, Дон Жуан, что при всякой погоде
По мостам, как болван, с прошмандовками бродит.

Или, скажем, другой – неопрятный и потный,
Дружит с Бабой Ягой, и всегда безработный.

Вот идет он, и кепка торчит на затылке,
И звенят в его сетке пустые бутылки,

А в хлебале щербатом сереет окурок.
Он ругается матом, лохастый придурок.

...Но а мы-то – пипец! – в той трясине родились,
Где и сын, и отец навсегда заблудились.

Ни кола, ни двора, ни приличной зарплаты.
Лишь свистят до утра соловьи-депутаты.

Заливает шпана нам про райские кущи.
Да пошел-ка ты на..., этот век проклятуший.

* * *

Я программу скачал в Интернете.
Есть такая забава на свете –
Интереснее многих, мой свет.
Мне теперь предоставлены в цвете
Фотографии прожитых лет.

Снова катятся детские санки
В первозданной моей тишине,
И ступенчатость зимней огранки
Черно-белой не кажется мне.

На карнизе стальная голубка
Стала сизой, и алой – закат.
Я узнал свою рыжую шубку
И коричневых пуговиц ряд.

Как давно это было, однако!
Синий дым над трубою дрожит,
И трехцветная эта собака
Рядом с санками бодро бежит.

Желтизна скособоченной печки,
На тарелке цветные драже,
И на санках кривые дощечки
Темно-синими стали уже.

О, как залита солнцем округа!
Золотисты сугробы двора.
Но еще изумительней, други,
Разноцветный рисунок ковра.

Как узоры тонки и красивы!
И уже понимаешь без слов,
Почему наши русские дивы
Всё позируют возле ковров.

Как он связан с природой суровой,
С невеселою русской судьбой!
... Цвет бывает веселее слова –
Фиолетый, желтый, лиловый,
Светло-розовый и голубой...

* * *

Эти красные ягоды бузины
В этом мокром, неровном, кривом лесу
Мне в награду за темные дни даны.
Я люблю эти ягоды и росу.

Я люблю эти ягоды и следы
От слизней на серой шляпке гриба.
Целокупный мир дождевой воды.
Не внушайте мне только, что жизнь – борьба.

На тропинке – крапивниц цветной аврал,
Лягушонка белый смешной живот.
И ты можешь назвать меня «либерал»
(Я свободу люблю!) или «патриот»,

Потому что счастливее нет страны,
Где ты можешь увидеть в кривом лесу
Эти красные ягоды бузины,
Эту птицу, парящую на весу.

* * *

Я видел Рим, я видел эту синь
Нерукотворных фресок Рафаэля,
И чудо римских мраморных святынь,
И роскошь итальянского апреля.

Извилистые видел берега,
Причудливые камешки у мыса.
Там пиния изящна и строга,
И талия стройна у кипариса.

А на Востоке, где стоит луна
Ущербная, где дремлет старина
И рвется ввысь пирамидальный тополь,
Там Рим Второй, там древняя стена...
Я видел и тебя, Константинополь.

Наш Третий Рим страшнее первых двух –
Стрелецких казней сатанинский дух
Был русскими прочувствован и понят.
Наш Вечный Город не для слабаков –
Божественные сорок сороков
И отпоют тебя, и похоронят.

И как отметил старец Филофей
В скуфейке старой, вечности трофей,
«Четвертому не быть!» И как проказы
Боишься мир, напичканный трухой,
Не русской смуты, подлой и бухой,
А этой гордой стариковской фразы...

* * *

Жуки-плавунцы на поверхности мутной воды
Похожи, увы, на неловких детей на коньках.
На небе бесслезном косматые тучи седы.
Вот так вот, пожалуй, всю жизнь проведешь в дураках.

Ребристую щепку течение быстро несет
Под хлипкую дрожь неприметных прибрежных раки.
Не веришь в стабильность и знаешь, что Бог не спасет.
Ничтожное время, неужто тобою я сыт?

Безбожное семя, постылый седой пустоцвет,
Сорняк придорожный, забывший начала, концы,
Понять не способен, что времени попросту нет,
Есть речка лесная, и эти жуки-плавунцы.

Есть речка лесная, и ящерики возле нее,
С глазами навывкате, как у еврейских детей.
Смолою сочится сосновое время твое,
И времени нету счастливей и нету лютей.

Жуки-плавунцы на поверхности мутной воды.
Шмели шерстяные, подобие снайперских пуль.
Стрекочет кузнечик, и крылья тончайшей слюды
У гибких стрекозок разгладил прилежный июль.

Как всё-таки славно, что я вместе с вами, я здесь,
У вкрадчивой речки, у тихих прибрежных раки.
И летнего воздуха нерукотворная взвесь
Мне новые радости, новое счастье сулит.

* * *

Помню все – облепиховый куст,
Прилежанье улиток оглохших
И кузнечиков сорокоуст –
Поминанье живых и усопших.

Пролетарскую волю травы,
Мать-и-мачехи раннюю зрелость,
Своеволие апрельской листвы,
Инфантильность ее, мягкотелость.

И крутую тропинку к Оке,
И кривые замерзшие лужи,
И синицу в озябшей руке,
Что ничем журавля и не хуже.

Стаи галок на мокрых стогах –
Буераки, овраги, канавы,
Едкий дым на притихших лугах –
Аллегория жизни и славы.

И безвылазность русских дорог,
И бесхозную жизнь на потребу,
И бескрайний Небесный Чертог –
Целокупное звездное небо.

* * *

Зеленая юность минула.
Черемух развеялся дым.
Валторна тебя обманула
Охотничьим гулом своим.

По парку влюбленные пары
Привычно слонялись впотьмах.
О, как мне запомнился старый
Очкарик с валторной в руках!

Немые заволжские дали.
Заштатный военный оркестр.
А что нам тогда задавали?
Ты помнишь?.. Я помню едва ли.
Кончался весенний семестр.

Зеленые, в белых накрапах,
Тогда набухали дворы,
Вдыхая жасминовый запах
Еще доковидной поры.

За Волгой привычно вставала
Тревожная синяя мгла.
...Ах, если бы молодость знала!
Ах, если бы старость могла!

* * *

Крупный снег повалит сразу – и породист, и пушист,
Как отточенная фраза на тетрадный ляжет лист.

Он завалит наши крыши, заметелит купола.
Выше, глуше, тише мыши, вот такие, брат, дела.

И деревья он покроет, и корявые кусты.
Все мирское он зароет, чтоб его не вспомнил ты.

Не направо, так налево, не налево, так вперед –
Голос Снежной Королевы что-то нежное поет.

Как зима немилосердна! Но отважна и горда
По снегам блуждала Герда в царстве холода и льда.

Снился датской недотроге ледяной суровый край,
Где в заснеженной берлоге спал несчастный мальчик Кай.

Так иди ж на Север прямо, позабудь про теплый Юг –
Раямяки, Куусамо, Калдоайви, милый друг.

Скоро станешь снежной глыбой вместе с лирою тугой.
Угостит лапландка рыбой – много ль надо, дорогой?

В небесах созвездье Девы, в чашке – козье молоко.
Царство Снежной Королевы, не подскажешь, далеко?

Так дойдешь до края света, где дворец ее стоит.
...Почему пишу всё это? Просто крупный снег валит.

* * *

В десять лет пацифистом я не был
И с девчонками дрался не раз.
Малокровное русское небо
Равнодушно смотрело на нас.

Мы скакали по крышам сараев,
Мы срывались и падали вниз.
Не похожие на самураев,
Мы с девчонками лихо дрались.

Как долги вечера после школы!
Как вопила на крыше гирла!
И вздыхал алконавт дядя Коля,
Допивая портвейн из горла.

И взирали пырей и цикорий,
И ромашка, и болиголов,
Не спеша налагать мораторий
На кровавую битву полов.

Я с пластмассовой саблей носился,
Я всю жизнь понимал как игру.
Всё прошло. Кто в Америку смылся,
Кто в Израиль, кто сел на иглу.

В решете свою воду носили
И весь мир мы желали обнять.
Но под дурочку мы не косили.
...Ну, а то, что такое Россия,
Нам еще предстояло понять.

* * *

Запах теплых степей волгоградских –
Половецких, сарматских степей,
Силуэты палаток рыбацких,
Белый донник, татарник, репей.

У коричневой старой запруды,
Словно свечки, грустят камыши.
Что ни отмель – то новое чудо,
Что ни берег – бальзам для души.

Удивляться никак не устану
Низкорослым ветрам продувным.
Если правда, что прахом я стану –
Стать хотел бы я прахом *степным*.

И тогда – маргинал, беззаконник,
Потерявший и зренье, и слух,
Буду с вами, татарник и донник,
Сизый клевер, пушистый лопух!

* * *

Там утки плавали, и вкрадчивый камыш
Под ветром кланялся, и к осени всё ниже,
Там рыла норку полевая мышь
И запах ивняка был явственней и ближе.

И мир причудливый пред взором возникал –
Песчинки, камешки, деверчивые травы,
И сногшибательный лягушечий вокал
Под вечер долетал до сумрачной дубравы.

Там тайны жуткие вода открыла мне –
И я расписку дал об их неразглашение –
О ямах глинистых, песочной глубине,
Об узаконенной болотной тишине.
На сходку плавунцов я принял приглашение.

Я понял – не сносить мне буйной головы,
Когда узнают ямы, буераки,
Что тайный заговор заносчивой плотвы
Раскрыли бдительные раки.

Они шептали мне: «Кругом враги воды,
Изгадить всё хотят, и каждый враг опасен!»
Но я-то понимал, что нет у нас беды –
С водой мы заодно, и Божий мир прекрасен.

Там утки плавали, и холмики стогов
На поле брошенном, неприбранном, стояли.
Я всем сказать хочу, что нет у нас врагов,
Что всех троцкистов мы в сердцах насочиняли,

Придумали, и вся-то недолга –
Вот сломанный клинок, вот зеркала осколок.
Ты погляди в него – увидишь в нем врага?
Но войны всё идут, и вечен мартиролог.

Зачем же ты, вода, открыла мне секрет,
Доверила свои таинственные коды?
И кто я для тебя? Какой такой поэт?
Я вечный твой должник, поверенный природы.